

О ЗНАЧЕНІИ ГИПНОТИЗМА ВЪ ТЕРАПІИ

Г. И. Россолимо

Приватъ-Доцента Императорскаго Московскаго Университета

Читано при открытіи Общества Невропатологовъ и Психіатровъ
при Московскомъ Университетѣ 21 октября 1890 года.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

1891

Дозволено цензурой. Москва, 21 декабря 1890 г.

О значеніи гипнотизма въ терапіи *)).

Дѣйств. чл. Г. И. Россолимо.

Милостивыя Государыни

и Милостивые Государя!

«Le merveilleux est un aliment si nécessaire à l'esprit, de l'homme, que chez tous les peuples et dans tous les temps on a signalé; même besoin de croire aux choses extraordinaires et d'admettre l'existence de faits surnaturels. L'imagination des masses n'éprouve de sympathies que pour ce qui l'étonne. L'harmonie des phénomènes du monde, l'ordre de la nature, la constante régularité avec laquelle ces lois s'exécutent, c'est à dire ce qu'il y a de véritablement admirable dans l'univers, ne peuvent contenter cette passion d'admirer qui distingue le vulgaire et qu'Horace trouvait si anti-philosophique. nil mirari.— tel était l'axiome dont le philosophe de Tibur faisait le fondement de la vraie sagesse».

Louis Figuier. «Histoire du merveilleux».

Въ какомъ году—не сказано, и при какомъ царѣ—не знаю тоже, но должно быть въ очень отдаленныя, сказочныя времена, на волшебныхъ берегахъ широкаго Ганга, въ тиши и во мракѣ пышной Индійской природы, блеснула искра, — появилось на свѣтѣ само собою, какъ Минерва изъ головы Юпитера, существо—геній-ли, уродь-ли—рѣшить было трудно: до того тѣсно сочетался въ немъ свѣтъ высшаго разума съ печатью Каина; такъ или иначе; — но это была натура весьма одаренная, сильная, со всѣми задатками великаго будущаго, которой, какъ и всѣмъ героямъ той благодатной страны, было суждено жить многое множество милліоновъ

*) Читано при открытіи Общества Невропатологовъ и Психіатровъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 21 октября 1890 г.

лѣтъ. Этотъ необыкновенный уродъ — такъ гласитъ преданіе съ самихъ пеленокъ не только привлекъ своею странностью вниманіе всего Востока, но и подчинилъ себѣ всю духовную и физическую силу народовъ; онъ, какъ натура гениальная, очень рано сталъ полнымъ властелиномъ въ своей странѣ, а посему о воспитаніи его не могло быть и рѣчи: какъ личность, онъ представлялъ результатъ взаимодействія уродливыхъ нравственныхъ задатковъ съ еще болѣе уродливыми продуктами безпорядочнаго саморазвитія.

И для этого полупомѣшаннаго генія недостаточно было тѣхъ географическихъ и этнографическихъ предѣловъ, въ которыхъ бушевала въ теченіе многихъ вѣковъ его молодая жизнь, свободная отъ всякаго контроля логики и духовной системы: плотина прорвалась и бурные потоки его кипучей дѣятельности устремились туда, гдѣ, слышалъ онъ, свѣтитъ другое солнце, живутъ другіе люди; онъ вторгся въ страну мирнаго развитія и нарушилъ спокойствіе вѣковой культуры. Широкой взмахъ его мощнаго крыла разсѣкъ спокойный воздухъ Европы и произвелъ страшный безпорядокъ въ систематическомъ умѣ кавказской расы. Однако европеецъ, девизъ котораго „борьба“, который долгимъ опытомъ научился не принимать на вѣру ни единого слова, вскорѣ оправился и, со свойственною ему настойчивостью, вступилъ въ отчаянное единоборство съ крылатымъ гигантомъ дальняго Востока. Борьба была долгая, побѣда замѣтно колебалась, но въ концѣ концовъ система мышленія, какъ это почти всегда бываетъ, и тутъ одержала верхъ: культурный человекъ побѣдилъ гениальнаго дракона, но не убилъ его, а поступилъ съ нимъ такъ, какъ подсказалъ ему его практической смыслъ. Онъ видѣлъ въ плѣненномъ геніи стихійную силу, изъ которой можно было — бы выработать для жизни чрезвычайно важнаго двигателя, полезнаго для судебъ человека. Для этого взбалмошнаго существа было прискано подходящее мѣсто заключенія, а именно — экспериментально-педагогическое заведеніе, въ которомъ онъ пребываетъ уже съ нѣкотораго времени въ полномъ здравіи и благополучіи; гдѣ и намъ приходится его навѣщать и работать надъ исправленіемъ его уродливаго воспитанія. Нѣкоторые результаты уже достигнуты, — ими то мы и думаемъ подѣлиться сегодня съ вами, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что предметъ этотъ и до сихъ

поръ еще вызываетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ до-вольно живой интересъ.

Мнѣ кажется, не требуется особеннаго напряженія воображенія, чтобы узнать въ героѣ нашего сказанія гипнотизмъ со всѣми фазами его историческаго развитія; если я себѣ позволилъ прибѣгнуть съ аллегорической формѣ, то это лишь для того, чтобы легче окинуть бѣглымъ взглядомъ внутренній смыслъ хорошо извѣстной вамъ исторіи вопроса, не возвращаясь къ обременительнымъ для памяти именамъ и датамъ, тѣмъ болѣе, что для врача гипнотизмъ представляетъ интересъ лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ раціональной и эмпирической медицинѣ.

Собственно говоря, медицинское примѣненіе гипнотизма почти такъ же старо, какъ и самый гипнотизмъ, и было бы даже странно допустить, чтобы человѣкъ, имѣя въ рукахъ могущественнаго агента, не пользовался бы имъ для облегченія страданій ближняго. Если даже современные врачи не прочь испытывать на больныхъ дѣйствіе всего, что попадаетъ подъ руку, то вполне вѣроятно будетъ предположеніе, что медицинскій гипнотизмъ по времени своего появленія на свѣтъ немногимъ отсталъ отъ немедицинскаго. Но въ тѣсномъ смыслѣ исторія гипнотическаго лѣченія — гипнотерапіи, какъ мы предлагаемъ его называть, — должна обнимать не больше двухъ десятковъ лѣтъ, такъ какъ только съ начала семи десятыхъ годовъ, можно сказать, вопросъ этотъ сталъ предметомъ болѣе или менѣе правильнаго научнаго изученія. За это время с одной стороны накопился большой эмпирической матеріалъ, появившій въ литературу и, благодаря этому, всегда находящійся къ услугамъ научной критики; съ другой же стороны, было сдѣлано большое число правильныхъ экспериментальныхъ наблюденій на здоровыхъ и больныхъ при чисто лабораторной обстановкѣ, въ результатъ чего получилось выясненіе характера явленій нормальнаго гипноза, а также появилась возможность установить раціональныя показанія къ примѣненію гипнотическихъ приемовъ. Въ двухъ вышеупомянутыхъ направленіяхъ работали до послѣдняго времени, главнымъ образомъ, двѣ французскія школы: Нансійская, съ *Beirheim*'омъ во главѣ, особенно обогатившая медицинскую литературу, главнымъ образомъ, матеріаломъ по вопросу о лѣченіи гипнотизмомъ, и Парижская, съ *Charcot* во главѣ, позаботившаяся о расширеніи нашихъ знаній касательно характера гипнотиче-

скихъ явленій. Опираясь на краеугольныхъ ученійхъ этихъ двухъ школъ, вопросъ подвергли дальнѣйшему, еще болѣе строгому, пожалуй, критическому изученію отчасти во Франціи, но главнымъ образомъ въ другихъ странахъ Европы, между прочимъ и у насъ, въ Россіи.

Интереснѣе всего то, что эта критическая работа привела къ результатамъ, которыхъ не ожидала ни школа Нансійская, ни Парижская: выяснилось, что послѣдняя привела къ цѣли, намѣченной Нансійскою школою; Нансійская же разрѣшила задачи Парижской. Дѣло въ томъ, что нансійцы, гипнотизируя большое число субъектовъ, съ цѣлью лѣченія, и не гонясь при этомъ за обязательнымъ развитіемъ послѣдовательныхъ фазъ гипноза, дали возможность рѣшить, что не существуетъ строго опредѣленнаго числа и характера отдѣльныхъ фазъ, что то проявленіе гипнотическаго состоянія, которое наблюдается у одного лица, не обязательно для другаго.

Прежде нежели говорить о положительныхъ результатахъ, добытыхъ двумя вѣчно полемизирующими школами, два слова о нѣкоторыхъ выводахъ, съ которыми мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться; сюда мы относимъ съ одной стороны тотъ безотрадный выводъ *Charcot*, что нѣтъ такихъ случаевъ, при которыхъ могло бы быть оправдано гипнотическое лѣченіе; съ другой стороны, до крайности оптимистическій взглядъ *Bernheim'a* и его школы на примѣнимость гипноза при лѣченіи большого числа нервныхъ и не нервныхъ болѣзней.

Наиболѣе важнымъ фактомъ для насъ изъ всего того, что приводится въ трактатахъ Нансійской школы, былъ тотъ, что внушаемость должна считаться главнымъ характернымъ явленіемъ гипноза; а отсюда слѣдуетъ, что разъ человѣкъ, вслѣдствіе искусственныхъ приѣмовъ, приобрѣлъ способность подчиняться внушеніямъ, то мы должны признать, что онъ находится въ гипнотическомъ состояніи. Всякія другія явленія соматическія или психическія, которыя *Charcot* считаетъ обязательными для трехъ классическихъ фазъ гипноза, теряютъ, въ виду этого, значительную степень рѣшающаго значенія; какъ мы увидимъ дальше, вѣрность этого взгляда подтверждается особенно блистательно случаями гипнотическаго лѣченія.

Другимъ, не менѣе важнымъ фактомъ, важнымъ при поста-

повкѣ показаній къ лѣченію гипнотизмомъ, мы обязаны наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Salpêtrière: впервые *Charcot* указалъ на существованіе большой аналогіи между гипнотическими состояніями и разными формами истерическаго припадка, чего не могли не подтвердить и позднѣйшія наблюденія другихъ авторовъ, между прочимъ и наши собственные; приводить примѣровъ мы теперь не станемъ: они вѣроятно хорошо извѣстны большинству изъ васъ; скажу только, что не будетъ натяжкой съ нашей стороны, если мы скажемъ, что гипнозъ есть эквивалентъ истеріи.

Вотъ тутъ самъ собою и выясняется отвѣтъ, на вопросъ съ которымъ такъ часто обращается къ намъ медицинская и немедицинская публика о томъ, какіе субъекты поддаются гипнозу, и какіе невоспримчивы — вопросъ весьма важный для всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предполагается назначить гипнотическое лѣченіе. Наблюденіе именно показываетъ, что гипнозъ въ болѣе или менѣе ясной формѣ можетъ быть полученъ, главнымъ образомъ, у людей, страдающихъ истеріею или расположенныхъ къ ней; отсюда понятно, что при попыткахъ гипнотизировать съ терапевтической цѣлью приходится встрѣчать не малое число такихъ, которыхъ абсолютно не удастся сдѣлать воспримчивыми къ словесному внушенію. Кстати замѣчу здѣсь, что особенно трудно, или скажу больше, не могутъ быть вовсе загипнотизированы субъекты, страдающіе чистою формою меланхоліи, а въ особенности ипохондрики. Нерѣдко случается, что врачи, неопытные въ дѣлѣ гипнотерапіи, приписываютъ неудачи этихъ послѣднихъ случаевъ либо неумѣнію гипнотизировать, либо недостаточной продолжительности и интенсивности сеанса, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, напрыгаютъ всѣ свои усилія, покуда не утомятъ больнаго и самихъ себя, а на будущее время рѣшаютъ прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ самымъ форсированнымъ приемамъ гипнотизированія. Но существуетъ ли необходимость въ варіированіи приемовъ, или нѣтъ, разъ, при двухъ или трехъ попыткахъ, получилась неудача? Едва ли, должны мы сказать; потому что, если субъектъ способенъ поддаться гипнозу, то это обязательно скажется при первомъ или второмъ сеансѣ, дальнѣйшія-же попытки приведутъ только къ напрасной тратѣ времени и силъ. Мы этимъ, конечно, не хотимъ сказать, чтобы способъ гипнотизированія нервно или душевно больнаго не игралъ никакой роли — наоборотъ: врачу не только не-

обходимо выработать себѣ общія правила гипнотизаціи, но должно въ то же время умѣть индивидуализировать способы, сообразно какъ съ особенностью личности, такъ и съ характеромъ даннаго случая.

Это положеніе важно имѣть въ виду рѣшительно для всѣхъ случаевъ примѣненія гипнотизма въ терапіи, независимо отъ того, показанъ ли этотъ способъ лѣченія въ данномъ случаѣ, или нѣтъ. О способахъ же гипнотизированія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ таковое назначено правильно, мы будемъ имѣть поводъ сказать нѣсколько словъ только послѣ того, какъ выяснимъ эти правильныя показанія и назовемъ тѣ формы, при которыхъ гипнотическое лѣченіе можетъ быть примѣнено не только безъ ущерба, но даже съ пользою для больнаго.

Исторія гипнотерапіи выясняетъ, что распространеніе гипнотическаго гипноза и увлеченіе имъ далеко превзошли распространеніе фізіологическаго гипнотизма, что вполне понятно въ виду несовершенства медицины въ дѣлѣ оказанія помощи страждущему человѣчеству. Можно сказать, что не было до сихъ поръ ни одной болѣзненной формы, при которой увлекающіеся эмпирики не испытывали бы цѣлебныхъ свойствъ гипнотическаго внушенія; какъ ни велики заслуги *Bernheim*'а и его сподвижниковъ, въ смыслѣ разработки фізіологическаго гипнотизма, тѣмъ не менѣе нельзя не здѣлать этимъ ученымъ маленькаго упрека въ увлеченіи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи показаній. Мы отнюдь не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было примѣнять гипнозъ при различныхъ болѣзняхъ внутреннихъ органовъ, какъ-то: легочной чахоткѣ, порокахъ сердца, и т. п. органическихъ страданіяхъ, такъ же точно при лѣченіи нервныхъ болѣзней съ несомнѣнными анатомическими измѣненіями. Такъ же не находимъ мы никакихъ основаній къ тому, чтобы прибѣгать къ гипнотизированію въ акушерствѣ и при хирургическихъ операціяхъ, при которыхъ другія наркотическія и анестезирующія средства могутъ оказать большія и несомнѣнныя услуги.

Легковѣрный мечтатель, замѣтивъ, что мы до сихъ поръ не упоминали о нервныхъ болѣзняхъ функціональнаго характера, можетъ подумать, что если при другихъ болѣзняхъ мы и не признаемъ пригодности гипнотическаго внушенія, то уже невропатологія и психіатрія суть во всякомъ случаѣ тѣ счастливыя избран-

ницы, для которыхъ природа избрѣла остроумнѣйшее средство— гипнозъ. И въ самомъ дѣлѣ: ничего, дескать, не можетъ быть легче, какъ приказать парализованному ходить, когда у него ноги безъ движенія; эпилептику быть покойнымъ, когда онъ корчится въ судорогахъ; меланхолику не тосковать, ипохондрику не думать о своихъ болѣзняхъ, слѣпому видѣть и т. д.

Но увы! Какъ далека дѣйствительность отъ той блестящей перспективы, которую идеалисты, закрывши глаза, видѣли скорѣе въ своемъ воображеніи, нежели на самомъ дѣлѣ.

Начать хотя бы съ того факта, хорошо извѣстнаго мало малъски образованному врачу, что, по теперешнимъ нашимъ научнымъ понятіямъ, весь легіонъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней можетъ быть подраздѣленъ на двѣ большія группы, существенно отличающіяся одна отъ другой тѣмъ, что въ основѣ однихъ болѣзней лежатъ органическія измѣненія, другія же составляютъ только результатъ нарушенныхъ функцій нервной системы.

Гипнотическое лѣченіе, заключающееся во внушеніи словомъ и могущее вызвать со стороны больного развѣ лишь только ту или другую психическую реакцію, едва ли конечно могло бы дать въ результатъ возстановленіе разрушенной ткани, а стало бытъ и нарушенной функціи, хотя и можно было бы для этихъ случаевъ пожелать устраненія посредствомъ внушенія явленій повышенной возбудимости, какъ-то, различныя судороги и боли при органическихъ нервныхъ болѣзняхъ. Опытъ, однако, показалъ, что прямыхъ результатовъ въ этомъ отношеніи обыкновенно не удается получить, что, если иногда и уменьшаются послѣ гипнотическихъ мѣропріятій различныя явленія раздраженія, то во всякомъ случаѣ лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ каждому данному случаю; и что желаніе форсированно прекратить тотъ или другой симптомъ, обыкновенно влечетъ за собою какое-нибудь непріятное осложненіе со стороны нервной системы больного, въ родѣ головныхъ болей, самопроизвольнаго засыпанія и цѣлаго ряда явленій большой и малой истеріи. Да кстати замѣчу, что, повидимому, сама природа, какъ бы предвидѣла возможность увлеченія гипнотическимъ лѣченіемъ и сдѣлала больныхъ съ органическими страданіями нервной системы мало способными впадать въ гипнотическое состояніе. Но намъ возразятъ, что были, дескать, такіе случаи, представлявшіе всѣ признаки органической болѣзни, въ

которыхъ удавалось оказать помощь посредствомъ гипнотическаго внушенія. Мы, пожалуй, согласны, что подобные случаи возможны и даже сами получали иногда подобные результаты, но это не только не противорѣчитъ нашимъ вышеприведеннымъ взглядамъ, но, напротивъ, скорѣе подтверждаетъ ихъ.

Современная медицина очень хорошо знаетъ, что нѣтъ почти ни одного органическаго страданія въ области любого органа, которое бы не могло осложниться функціональными расстройствами первой системы, преимущественно въ формѣ истерическихъ явленій: хирурги прекрасно знаютъ о существованіи такъ называемыхъ травматическихъ неврозовъ, представляющихъ картину большой истеріи, развившейся вслѣдствіи ушибовъ; терапевты, съ другой стороны, нерѣдко наблюдаютъ осложненіе болѣзней сердца, легкихъ, брюшныхъ органовъ цѣлымъ рядомъ неврозовъ; то же можемъ сказать и о гинекологахъ, ларингологахъ, окулистахъ и т. д.

Въ свою очередь мы, невропатологи, нерѣдко имѣемъ случаи констатировать, что къ характернымъ, обязательнымъ нарушеніямъ функцій, въ зависимости отъ органическаго пораженія головного и спиннаго мозга, присоединяются еще такіа разстройства движенія и чувствительности, которыя, усугубляя остальные разстройства, зависящія отъ органическихъ причинъ, въ то-же время представляютъ всѣ признаки явленій истерическихъ; поэтому, нисколько неудивительно, что при нѣкоторыхъ анатомическихъ болѣзняхъ нервной системы, нѣкоторыя явленія, а именно вышеупомянутыя осложненія, поддаются лѣченію гипнотизмомъ. Для случаевъ изъ литературы такое объясненіе тѣмъ болѣе возможно, что изслѣдованіе, въ большинствѣ случаевъ, далеко не соответствовало современнымъ требованіямъ научной невропатологіи.

Другая большая группа разстройствъ нервной системы, именно тѣхъ, при которыхъ ткань нервной системы остается безъ видимыхъ измѣненій, *a priori* уже гораздо больше пригодна для примѣненія терапевтическаго внушенія. Казалось бы, той пертурбаціи, которую гипнозъ вноситъ въ нервную систему больного, достаточно, чтобы внушеніе достигло своей цѣли.

Но опытъ привелъ насъ къ выводамъ довольно безотраднымъ, и сферу примѣненія гипнотерапіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ—бессонницы, простыхъ галлюцинацій, навязчивыхъ идей, пожалуй, извращенія сексуальнаго чувства, и немногихъ другихъ

изъ области нервныхъ болѣзней у дѣтей и у взрослыхъ, приходится ограничить главнымъ образомъ чистою истерією въ различныхъ видахъ, и нѣкоторыми еще, весьма немногочисленными страданіями нервной и психической сферъ, развившимися все-таки на истерической почвѣ.

Такой результатъ многолѣтнихъ изысканій становится понятнымъ съ точки зрѣнія опредѣленія гипноза, какъ особеннаго истерическаго состоянія; еще разъ приходится вернуться къ одному изъ древнѣйшихъ положеній медицины — *similia similibus* — въ переводѣ на русскій языкъ — „*клинъ клиномъ вышибать*“. — Истерическое явленіе, получившее толчекъ въ безсознательной психической сферѣ больнаго и поддерживаемое стимуломъ изъ той-же области, можетъ быть видоизмѣнено и можетъ даже исчезнуть, если на субкортикальную сферу будетъ оказано давленіе либо со стороны воли самого субъекта — *самовнушеніе*, либо въ формѣ психическаго воздѣйствія извнѣ — *словесное внушеніе*.

Такимъ образомъ, выводъ изъ вышесказаннаго понятенъ: къ гипнотическому лѣченію стѣдуетъ прибѣгать, главнымъ образомъ, въ случаяхъ истерическихъ, и отчасти при нѣкоторыхъ неврозахъ и психозахъ на истерической почвѣ. Тѣмъ не менѣе я этимъ не хочу сказать, чтобы эти болѣзни „нужно“ было лѣчить гипнотизмомъ; гипнотерапія должна оставаться въ запасѣ у врача лишь на всякій случай, какъ *ultimum refugium*, въ виду того, съ одной стороны, что явленія истеріи поддаются и многимъ другимъ способамъ лѣченія, такимъ-же симптоматическимъ, какъ и гипнотерапія и что, съ другой стороны, на ряду съ несомнѣнною пользою, которую можетъ дать правильно назначенное и еще болѣе правильно выполненное внушеніе, можно ожидать и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе неприятныхъ послѣдствій, какъ отъ непредвидѣнныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе недостаточно правильнаго пользованія гипнотическими приемами. Тутъ не мѣсто и не время перечислять эти послѣдніе: одни изъ нихъ извѣстны большинству врачей, другіе-же заслуживаютъ того, чтобы имъ было посвящено специальное изслѣдованіе; скажу только, что, приступая къ гипнотическому лѣченію, необходимо считаться прежде всего со всѣми шансами на неприятыя осложненія, и что излишній пессимизмъ не только не повредитъ, но, наоборотъ, окажетъ не малую услугу какъ больному, такъ и научной разработкѣ гипнотерапіи.

Понятно послѣ всего вышесказаннаго, что поводовъ примѣнять въ медицинѣ гипнотизмъ встрѣчается не особенно много, и что главное ихъ число приходится на долю истеріи. Что касается насъ лично, то мы прибѣгаемъ къ гипнотерапіи почти исключительно въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

1) Когда явленія, главнымъ образомъ, истерическія, не уступаютъ никакимъ другимъ средствамъ, при чемъ не имѣется противопоказаній къ гипнозу.

2) Когда нужно дѣйствовать быстро для освобожденія больного отъ опасныхъ истерическихъ симптомовъ, въ родѣ очень тяжелыхъ припадковъ общихъ судорогъ, затрудненнаго глотанія пищи въ теченіе долгаго времени, упорной бессонницѣ и т. п., и, наконецъ, 3) съ діагностическою цѣлью, чтобы опредѣлить въ нѣкоторыхъ темныхъ случаяхъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ истерією или нѣтъ. Какъ при первыхъ двухъ, такъ и при третьемъ условіи совѣтуемъ обязательно начинать съ самыхъ легкихъ сеансовъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ бываетъ уже достаточно, къ тому-же ничто не мѣшаетъ, по мѣрѣ надобности, испытать впослѣдствіи и глубокой гипнозъ.

Неужели-же, скажутъ мнѣ, вышенприведенная горсточка данныхъ и составляетъ тотъ гипнотизмъ, ту всемогущую, сверхъестественную панацею, которая должна была давать всѣмъ слѣпымъ безъ исключенія—свѣтъ, глухимъ—слухъ, параличнымъ движенія, умерщвлять отъ одного слова змѣю, сосущую болящее сердце, возвращать утраченную въ пьянствѣ и развратѣ физическую и нравственную чистоту, изъ глупцовъ дѣлать ученыхъ, лѣнтаевъ выводить на золотыя доски, воскрешать мертвыхъ и т. п.? Неужели всѣ восторги медицинской и немедицинской публики сведены въ концѣ концовъ къ такому крайнему консерватизму и къ такому скупому примѣненію гипнотическаго лѣченія лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ изъ небольшого отдѣла медицины, да и то—со всевозможными предосторожностями и только тогда, когда ни что другое уже не дѣйствуетъ?

Гдѣ-же тогда правда въ наукѣ, и что это за наука, которая вчера говорила одно, а сегодня сама себя опровергаетъ, и проситъ извиненія передъ почтеннѣйшею публикою въ непомѣрномъ увлеченіи?

Должно быть настоящая наука и есть та самая, которая съ беззаботною улыбкою похоронила въ землѣ жизненный эликсиръ рядомъ съ почившими его изобрѣтателями, истолкла въ порошокъ и пустила по вѣтру философскій камень, напугала нашихъ предковъ до того, что они боятся показаться ей на глаза въ живописныхъ тогахъ матеріализованныхъ духовъ, опровергла все чудесное въ природѣ, та самая наука, которой совѣсть велитъ только тогда пустить въ свое общество героя нашей сказки, когда этотъ даровитый нравственный уродъ, лишенный, благодаря стараніямъ культуры, своихъ шутовскихъ бумажныхъ доспѣховъ, перестанетъ быть балаганнымъ героемъ праздной толпы, и вступитъ въ регулярную армію строго научныхъ положеній.

Не стыдиться должна наша наука такого превращенія, — наоборотъ, она должна гордиться тѣмъ, что, особенно по отношенію къ вопросамъ изъ области духа, она смотритъ съ высоты своего могущества на воздушные замки доврчивыхъ диллетантовъ, и весь свой умъ, все сердце отдаетъ своей драгоцѣнной нивѣ. Не химеры ей нужны, какъ-бы онѣ ни были блестящи, а одна простая голая правда.

Москва, 21-го октября 90 г.